

ОТРАЖЕНИЕ НАИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЯЗЫКЕ

© 2003 Савицкая Е.М., Савицкий В.М.

Самарский государственный педагогический университет

В статье анализируется ряд форм естественного (русского) языка, в которых, в рамках выполнения языком кумулятивной функции, зафиксированы результаты донаучного (стихийного) познания закономерностей психической деятельности, осуществляемого народом в филогенезе культуры и языка. На этой основе в статье показывается, что народное сознание в наивной форме предвосхитило некоторые важные открытия современной теоретической психологии. (В частности, ряд языковых клише и паремий, а также грамматических конструкций отражает в своей структуре двойственную (диалогическую) природу «Я», а также, в определенной мере, «ярусное» строение личности, впоследствии научно описанное в рамках классического психоанализа.) В статье подтверждается тезис Л.Витгенштейна о том, что анализ естественного языка может способствовать познанию мира и человека.

В кулуарах научных дискуссий порой высказывается расхожая мысль о том, что в сфере интересов теоретической психологии нет ничего такого, что ранее не получило бы отражения в постулатах так называемой житейской мудрости. Со скидкой на преувеличение эту мысль, на наш взгляд, можно признать обоснованной. Если не все, то многие психологические открытия уходят корнями в глубину веков. Задолго до возникновения науки психологии люди сталкивались с необходимостью осмыслить ряд важных психологических явлений с тем, чтобы использовать результаты этого осмысления в общественных и личных целях. Полученные из практического опыта данные фиксировались в мифологической, фольклорной, паремиологической форме и таким образом становились достоянием коллектива. Так, греческий миф об Эдипе предварил одну из фундаментальных концепций классического психоанализа; религиозные учения о борьбе Бога и Дьявола за душу человека предвосхитили разработку З.Фрейдом топической модели личности, согласно которой компоненты, получившие наименования «Сверх-Я» и «Оно», оказывают противоположно направленное воздействие на человеческое «Я»; старинная английская пословица *A child is father to a man* (букв. «Ребенок – отец мужчины») в образной форме отражает представление о влиянии «детского» компонента психики на «взрослый», что в XX веке было научно обосновано Э.Берном в рамках трансакт-

ного анализа. Такого рода примеров можно привести немало.

Наивно-психологические знания отражены не только в текстах культуры, но и в самой системе языка. Недаром А.Франс назвал словарь «Вселенной, расположенной в алфавитном порядке», имея в виду, что лексико-фразеологический фонд языка, выполняющий, в числе прочих, кумулятивную функцию, представляет собой сокровищницу (лат. *thesaurus*) человеческой мысли. Впрочем, не только в отдельных словах, но и в идиоматических оборотах, и в грамматических конструкциях естественного языка фиксируются житейско-практические познания из области человеческой психологии. Например, слова *характер, темперамент, потребность, наклонность* и т.п. (в донаучном понимании) возникли задолго до их превращения в психологические термины; старинное английское слово *self-consciousness* (букв. «осознавание себя»), обозначающее застенчивость, в своей внутренней форме отражает представление о застенчивости как о результате излишней саморефлексии (что было научно обосновано в XX веке в рамках концепции Ф.Зимбардо); идиомы *видеть кого-либо насквозь, заглянуть кому-либо (или: себе) в душу, побывать в чьей-либо шкуре, слияние души* в своей образной основе отражают такие феномены, как интроспекция и эмпатия; обороты *выжить из ума, сойти с ума, выйти из себя, быть вне себя*, англ. *be beside oneself* (букв. «находиться рядом с собой», перен.

«быть в ярости»), *be out of one's mind* (букв. «быть вне разума»), перс. *ходра бахтән* (букв. «утратить себя», перен. «разгневаться»), греч. *para noia* (букв. «около разума») указывают на постоянную или временную потерю личностной самоидентичности вследствие неменяемости; безличная синтаксическая конструкция с дативом (ср. рус. *Мне стало страшно/смешно/противно* и т.д.) отражает непроизвольность и неконтролируемость некоторых эмоциональных состояний.

В рамках одной работы не представляется возможным рассмотреть всё многообразие языкового материала, относящегося к затронутой теме. Обратимся лишь к одному пласту житейско-психологических знаний, а именно к представлению о двойственном, диалогическом строении личности, к догадке о существовании сознательной и бессознательной сфер психики. С давних пор люди подозревали о том, что, помимо сознательного «Я», существует некое другое «Я» (лат. *alter ego*), регулярно заявляющее о себе путем вмешательства в жизнь первого «Я» и при определенных условиях способное в значительной мере перехватывать у него инициативу; в таких случаях человек оказывается, как говорят, *сам себе не хозяин*. Без осознания этой двойственности не могла бы, в частности, возникнуть латинская поговорка *Sibi imperāre maximum imperium est* («Властвовать собой – наивысшая власть»). При однокомпонентном строении личности было бы абсурдно говорить о стремлении к власти над собой: ведь **кто-то** властвует над **кем-то**. Глагол *imperāre* (и рус. *властвовать*) – **двухместный** предикат, предполагающий наличие **двух** аргументов: властелин (семантическая роль «агенса») и подвластное лицо (семантическая роль «пациенса»). Двухкомпонентность личности отражается в употреблении этого и ряда других (приводимых ниже) двухместных предикатов при описании внутренней жизни субъекта. Об этом же свидетельствует использование возвратного местоимения первого лица (англ. *myself*, франц. *moi-même*, рус. *Я – себя* и др.) на втором аргументном месте таких глаголов.

Вместе с тем, второй конституент личности регулярно осмысливается как «Я» (*ego*), хотя и «другое» (*alter*). Этот конституент понимается не как другая личность в пространстве психики, а как та же личность, но в иной ее ипостаси. В противном случае она обозначалась бы формами не первого, а третьего лица. Следует, правда, оговориться, что в ряде языков существует и такая форма (англ. *I became a different man*, франц. *Je suis devenu un autre homme*, рус. *Я стал другим человеком*). Но это – пример из иной области: речь здесь идет не буквально о превращении одной части личности в другую, а о глобальном изменении личности в целом, которое условно-гиперболически представлено как замена одной личности на другую. Добавим, что в ряде случаев вторая ипостась личности всё-таки осмысливается не как «Я», а как «Оно»; такие случаи приводятся ниже при описании неопределенно-личной грамматической конструкции.

В словосочетаниях, построенных по модели «глагол + возвратное местоимение», психологическая реальность отражается с позиций первого (сознательного) «Я», которое выступает в них в роли агенса (действующего лица) и обозначается подлежащим. Глагол при этом не употребляется в форме страдательного залога, что не позволяет представить второе «Я» в роли агенса, воздействующего на первое «Я»; в таких словосочетаниях второе «Я» – всегда пациент (объект) или адресат воздействия. Кроме того, возвратное местоимение в них никогда не выступает в форме именительного падежа (*сам*), соответствующей роли «агенса». Например, можно сказать *Я преодолел себя*, но нельзя сказать **Я был преодолен собой* или **Сам преодолел меня*. Словосочетания с возвратным местоимением обозначают воздействие первого «Я» на второе или отношение первого «Я» ко второму. В их число входят:

стремление поладить со своим вторым «Я» (*жить в согласии с собой, тешить себя чем-либо, льстить себе, баловать себя, потакать себе* и др.);

стремление контролировать свое второе «Я» (*владеть собой, справляться с*

собой, держать себя в руках, приказать себе, прикрикнуть на себя и др.);

изучение своего второго «Я» (*заглянуть в себя, углубиться в себя, познать себя, хорошо себя знать, посмотреть на себя со стороны и др.);*

чувства к своему второму «Я» (*любить себя, ненавидеть себя за что-либо, восхищаться собой, презирать себя за что-либо и др.);*

оценка своего второго «Я» (*высоко себя ценить, знать себе цену, в грош себя не ставить и др.);*

общение со своим вторым «Я» (*беседовать с собой, быть наедине с собой, прислушиваться к себе, убеждать себя и др.);*

единение либо разъединение со своим вторым «Я» (*быть самим собой, найти себя в чем-либо, терять себя, изменить себе, быть в разладе с собой, сам не свой и др.).*

В качестве исключения отметим выражение *Ты, Моцарт, недостойн сам себя* (А. Пушкин), с помощью которого оценивается первое «Я» Моцарта (по мнению Сальери, ничтожное) по сравнению с его вторым «Я» (великим). В остальных обнаруженных нами примерах оценивается не первое, а второе «Я» субъекта.

Что же касается воздействия второй ипостаси личности на первую, оно выражается в русском языке иными средствами. При этом рефлексия осуществляется опять-таки с позиций первой ипостаси, но эта ипостась выступает здесь не в роли агенса, а в роли пациенса или адресата и обозначается возвратным местоимением в винительном или дательном падеже в функции прямого либо косвенного дополнения (*мне, меня* и т.п.). Вторая ипостась выступает в роли «агенса» и обычно выражается нуль-подлежащим неопределенно-личной грамматической конструкции при глаголе в форме третьего лица единственного числа (в прошедшем времени – среднего рода). Это говорит о том, что вторая ипостась в подобных случаях трактуется не как «Я», а скорее как фрейдовское «Оно» или «Сверх-Я» (нечто находящееся вне «Я»), то есть в обоих случаях как «не Я». Например, учитывая, что подлежащее

должно согласовываться со сказуемым в роде, лице и числе, в высказывании *Меня так и подмывало дать мерзавцу по морде* (что подмывало?) в качестве подлежащего, совсем по Фрейду, подразумевается некое «Оно», побуждающее «Я» субъекта к действию. Ср. также: *Меня потянуло (на что-либо), Меня повело (куда-либо), Меня коробит (от чего-либо), Мне претит (делать что-либо), Меня зациклило/ заклинило (на чем-либо), Меня тянет (куда-либо/ к кому-либо)* и т.п. При этом в одних случаях явно имеется в виду подстрекательство со стороны Id (*Меня тянет/ подмывает*), а в других – запреты со стороны Super-ego (*Мне претит/ Меня коробит*).

Бессознательный конституэнт личности выражается также неопределенным местоимением *что-то* (*Что-то в душе подсказывало мне/ предостерегало меня/ заставило меня/ ...* и т.п.), мифологическими образами, символизирующими «Оно» и «Сверх-Я» (*бес меня попутал, черт меня дернул, Господь меня надоумил* и т.п.), идиоматическими оборотами *внутренний голос, нутром чуют, из глубины души* и др., а также конструкциями, в которых субъект ментального состояния представлен не как субъект, а как объект/ реципиент воздействия (идущего, однако, не извне, а изнутри): *Меня охватило отчаяние* вместо *Я отчаялся*, *Меня осенила идея* вместо ненормативного **Я придумал идею* (идеи обычно *появляются, возникают, рождаются, приходят на ум* независимо), *Мне вспомнилось* вместо *Я вспомнил* и даже *Мне подумалось* вместо *Я подумал*. Здесь подчеркнута независимость этих состояний от сознательного «Я» субъекта, а значит, наличие в психике, помимо сознания, чего-то еще, влияющего на сознание.

Примеры, приведенные в нашей работе, демонстрируют лишь небольшой фрагмент наивно-психологических знаний, зафиксированных в языке. Эти знания широко используются в житейской практике и, по-видимому, служат одним из источников возникновения научно-психологических идей. Согласно положению Л.Витгенштейна, анализ обыденного языка плодотворен для разработки теоре-

тической картины мира. Вслед за ним мы полагаем, что дальнейшее изучение языковых форм, отражающих психологический опыт народа, может способствовать развитию психологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берн Э. Трансактный анализ / пер. с англ. М., 1990.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. М., 1961.
3. Зимбардо Ф. Застенчивость / пер. с англ. М., 1993.
4. Фрейд З. Я и Оно / пер. с нем. М., 1990.

NAÏVE PSYCHOLOGY IN NATURAL LANGUAGE

© 2003 E.M.Savitskaya, V.M.Savitsky

Samara State Pedagogical University

The subject matter of the research is reflection of folk lore psychological concepts in some natural language forms, namely: idioms, clichés, proverbs, and syntactic structures. The research has shown that some important discoveries of modern theoretical psychology have been foretold and accumulated by common consciousness in natural language. In this article special attention is given to ways by which the dual (dialogue) nature of the human Self is reflected in set phrases and impersonal grammatical constructions. The results of the research confirm L. Wittgenstein's thesis that natural language analysis may contribute to cognition of Man and the World.